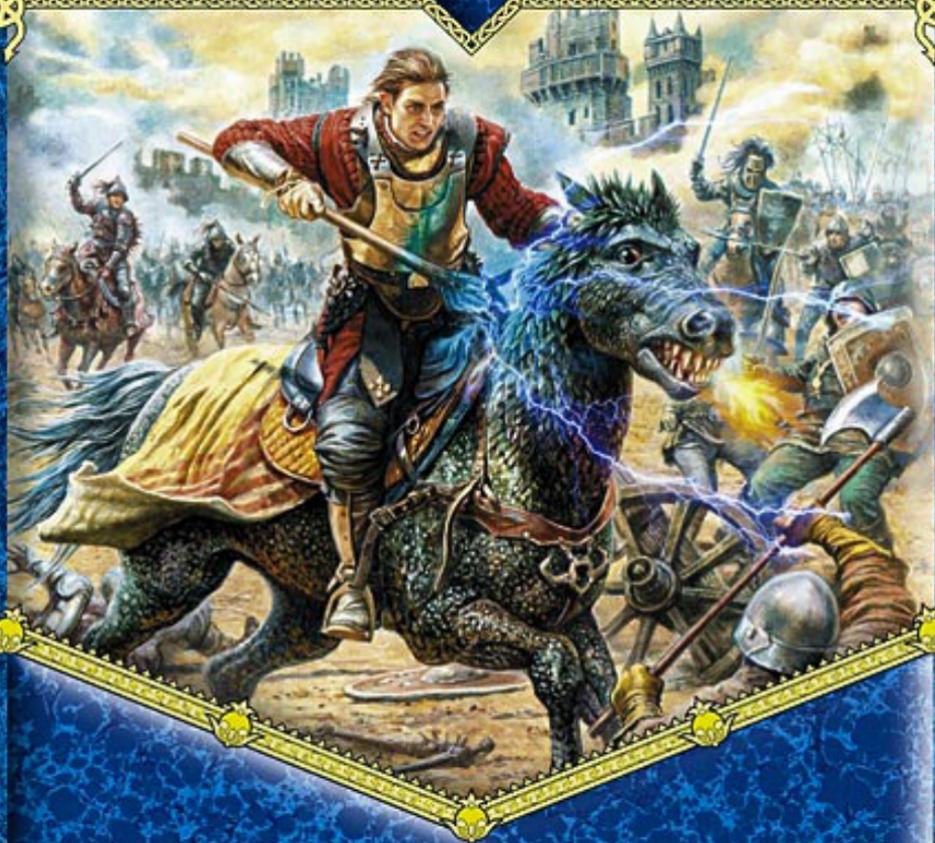

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Сергей ДЖЕВАГА

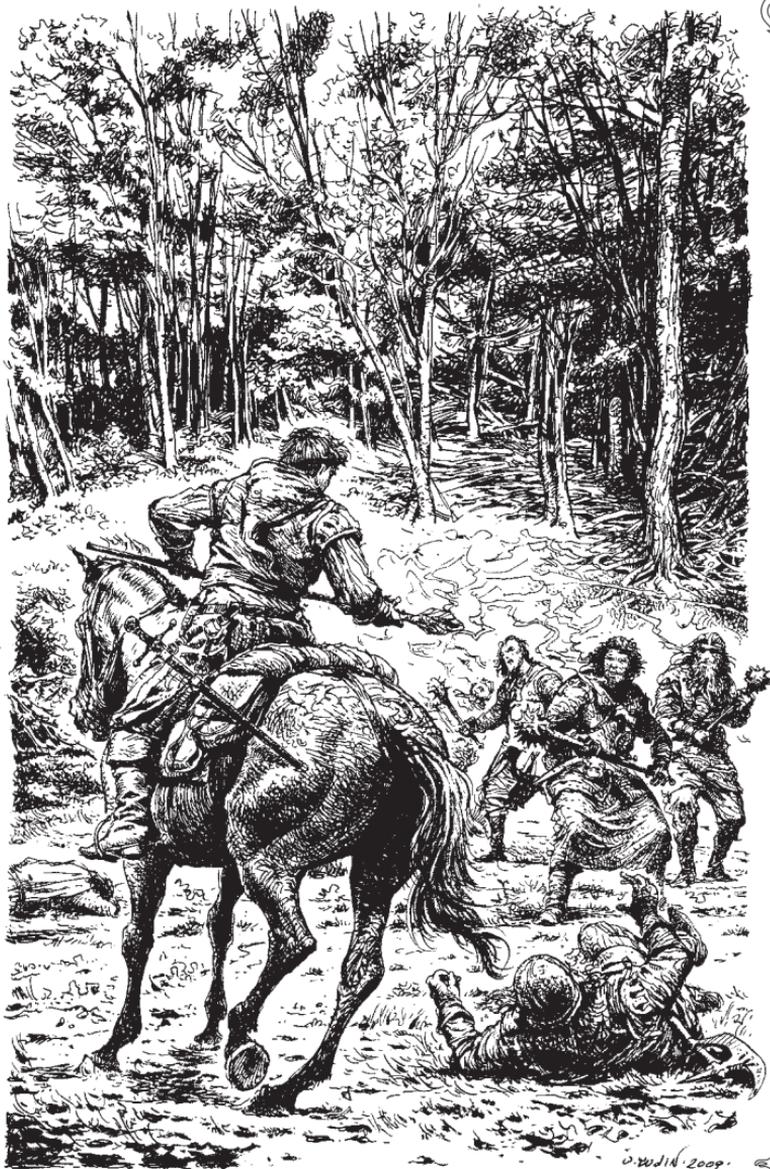
РОДНАЯ КРОВЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Сергея Джеваги
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ПОСОХ ДЛЯ ЧАРОДЕЯ
РОДНАЯ КРОВЬ
СЕРЫЙ МАГ
СЕРЫЙ ОРДЕН

© W.D.H. 2009.

Сергей ДЖЕВАГА

РОДНАЯ КРОВЬ

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

ГЛАВА 1

В комнате полутьма. Серый скучный свет проникает сквозь окно, потихоньку разгоняет обнаглевшие за ночь тени. Промозглая осенняя сырость сочится сквозь щели в раме, заставляет ежиться и прятать нос под одеяло. С улицы доносится шум большого города: грохот повозок, цокот копыт и ржание, крики торговцев, грузчиков. На мутном стекле, словно рассыпанный бисер, множество мелких капелек. Быстро стекают вниз, оставляют узкие мокрые дорожки.

Я почувствовал, как рядом завозилась Тира, причмокнула губками и что-то пробормотала во сне. Перевернулась на бочок, обхватила меня тоненькими горячими руками и прижалась к груди. Теплое спокойное дыхание согрело ухо, мягкие волосы ласково защекотали щеку.

Вздыхнув, я осторожно отстранился, боком вылез из-под одеяла и спустил ноги на обжигающе холодный пол. Вчера в камине весело пылал огонь, согревал и освещал комнату, создавал приятный уют. Но к утру поленья догорели, и стало очень холодно. На столе красовались остатки вчерашнего пиршества, обглоданные куриные кости, пустые бутылки из-под вина. Я поежился, зябко передернул плечами. Хорошо было. Жаль, что надо возвращаться к такой хмурой и неприятной реальности.

Комната была небольшая, но светлая и чистая. Все говорило, что это обитель женщины. На подоконнике несколько горшков с цветами. Целых три зеркала. Одно большое, в тяжелой резной раме, висело на стене. Два поменьше лежали на тумбочке по соседству со всякими баночками и склянками, гребешками разного цвета и формы. Везде чистота и порядок — ни пылинки, вещи аккуратно разложены по своим

местам. И только вместе со мной в строгое женское царство пришел некоторый хаос.

Я поскреб макушку, сочно зевнул во весь рот. Хочешь не хочешь, а надо собираться. В такую погоду бродить, конечно, не в радость. Сейчас бы обратно под одеяло. Прижать к себе горячее мягкое тело Тиры и лежать, наслаждаться нежной полудремой. Но нужно сходить на старую квартиру, перетащить остатки вещей. Пару недель назад я купил небольшой домик на окраине Гента. Старенький, но еще в хорошем состоянии. Обустроить и облагораживать пока не начал, успеется. При переезде был неприятно удивлен количеством хлама, который накопился за недолгое в принципе время обитания в доходном доме тетушки Свары. Стопки книг, множество ненужных безделушек, старой одежды, посуды. Кое-что пришлось просто-напросто выкинуть: лень было таскать всякий мусор. Картины оптом продал одному ценителю прекрасного — тот предложил неплохие деньги. Надо бы зайти напоследок, еще раз осмотреть и забрать оставшееся.

Собравшись с силами, я решительно поднялся с кровати и стал одеваться. Штаны увидел сразу, а вот рубашку пришлось поискать. Накануне побросал одежду как попало. Какой, к Мрону, порядок, когда перед тобой красивая обнаженная девушка. Манит пальчиком, соблазнительно покачивает бедрами и смеется, наблюдая за твоими неуклюжими попытками быстро выпрыгнуть из одежды. Рубашка в конце концов нашлась под кроватью. Я быстренько натянул ее, вздохнул с облегчением. Стало гораздо теплее. Рубаха толстая, из овечьей шерсти. Рыцари и воины надевают такие под доспехи.

— Эскер! Уже уходишь?

Я обернулся. Тира проснулась, сонно моргнула и сладко потянулась. Но тут же поджала губки, глянула с недовольством и обидой.

С ней я случайно столкнулся на улице дня через три после драки и пожара в трактире «Гордый кузнец». Мы мило поболтали, выпили винца. А потом отправились к Тире домой посмотреть коллекцию редких комнатных цветов. Ушел я утром, довольный и немного уставший. С тех пор иногда забегая в гости.

— Не хотел тебя будить,— пробормотал я и виновато развел руками.

— Конечно,— улыбнулась девушка, откинув с глаз шелковистую черную прядку.— Только топал, сопел и пыхтел, как голодный тролль.

— Прости,— смутился я.— Не умею ходить на цыпочках.

— Мне все равно скоро вставать,— отмахнулась она.— Куда ты?

— Дела зовут,— неопределенно сказал я.— Пойду пройду.

Тира глянула в окно, дернула плечиком, поежилась и закуталась в одеяло.

— И охота тебе ходить в такую погоду, Эск? Брр... Лучше бы остался. Камин затопим, глинтвейна выпьем...

Я тяжело вздохнул, вновь развел руками:

— Соблазнительно, но мне действительно надо идти. Не обижайся.

— Ладно,— хмыкнула она.— Ты приходи еще.

Я натолкнулся на мечтательный взгляд и невольно улыбнулся. Тира глубже нырнула под одеяло, лукаво подмигнула и тихонько хихикнула. Уже через минуту послышалось спокойное ровное дыхание. Заснула. Что ж, пусть понежится.

До зеленых белок захотелось кофе. Я представил густой бодрящий аромат черного напитка, горький приятный вкус и чуть не застонал от отчаяния. Камин топить не хотелось. Пока раздуешь пламя, пока сварешь — полдня пройдет. В конце концов, я нашел выход. Кофе засыпал в кружку, выписал в воздухе комбинированный Знак Огня и Воды. Крутой кипяток плеснул в кружку — появилась пышная шапка коричневой пены. Ноздри защекотал терпкий запах. Я немного погрел кофе энергетической нитью. Вроде бы нигде не схалтурил, сделал правильно. Схватил кружку, торопясь и обжигаясь, стал прихлебывать. В груди сразу растеклось приятное тепло, остатки сна слетели как сухая шелуха.

Я обул высокие сапоги. Надел защитную магическую куртку, что оставил в наследство умирающий Лукар, последний Верховный магистр Серого Ордена. Хорошая куртка. Тяжелая, очень прочная, с металлическими накладками, наплечниками и поручами. Больше похожа на легкую коль-

чугу. Подкладка как раз и состоит из мельчайших стальных колечек. Ткань только сверху, и то какая-то странная, очень плотная, но тонкая. Не горит, не промокает и не рвется. Я пробовал, изо всех сил бил кинжалом. Даже царапин не осталось. Каждая ниточка зачарована. В Истинном Зрении куртка выглядит как сплошное переплетение множества известных и неизвестных мне защитных заклинаний. В такой можно хоть в огонь, хоть в воду.

Посох был прислонен к стене у выхода. Мне показалось, что своим видом он выражает возмущение и укор: мол, как ты мог оставить меня здесь? Ведь вокруг враги! Я успокаивающе погладил его: все нормально, друг, я рядом. Подхватил с вешалки сумку, перекинул через плечо и тихо шмыгнул за дверь, стараясь не зацепить посохом за косяк.

После августовских событий прошло два месяца. Все немного утряслось. Мне повезло. Никто не узнал, что именно я сжег трактир «Гордый кузнец», убил нескольких душегубов и семейство обнаглевших гномов. Может, кто-то и видел грязного парня с дикими глазами и перекошенным лицом, бегущего через подворотни с посохом в руках. Но узнать не узнали. И хорошо. Если прибавить магическую дуэль в университетской библиотеке и смерть Лукара, что скрывался под видом смотрящего, то... От темницы меня бы не спас даже Патрик, начальник гентской стражи.

За это время я немного привык к статусу наследника Серого Ордена. Каждый день посвящал изучению древней магии, тренировался и совершенствовался. Книги у меня теперь есть. Лукар перед смертью дал все необходимое. Несколько объемистых справочников и учебников, содержащих базовые заклинания и методику работы с Силой в дополнение к той книге, что досталась от Мгира. Уже сейчас заткну за пояс любого боевого мага. Чародеи современной школы пользуются плетениями — энергетическими узорами, что формируются с помощью силы Стихии и концентрации. Получается очень быстро, почти молниеносно. Но таким образом можно творить исключительно простейшие заклятия. Высшая Магия недоступна чародеям нашего времени. А я, в прошлом обыкновенный маг-механик, теперь владею вы-

сшим волшебством. Топорно, со скрипом и в некоторых случаях с долгой подготовкой. Но могу.

Вообще, если хорошенько подумать, со мной приключилась удивительная история. Попал в проклятую деревню. Сражался с нежитью, говорил с духом древнего мага. От него получил волшебный посох и книгу. Да и дальнейшие события хороши. Меня втянуло в самую середину водоворота интриг, старых тайн. Я подрался с нгарским рыцарем Шедом. По дурусти, из-за женщины. Хотя можно ли назвать женщиной похотливую стерву Клариссу Донар, не знаю. Потом побывал вместе с Шедом в Преисподней, одном из Нижних миров. Катрин постаралась, возлюбленная моего брата Аша. Теперь понятно, что посох был для нее реальной угрозой. И эльфийка, скрывающаяся под личиной скифской дворянки, старалась устранить опасность любой ценой. Но добилась лишь того, что я прошел ускоренную инициацию и овладел Силой. Шед так и остался в Преисподней, растерзанный стражем врат, загадочным Ключником. Мне повезло, выбрался.

Магия Серого Ордена — сильнейшая в мире. И основывается на знаниях. Чародей не занимает силу у богов, не пропускает через себя мощь Стихий. Он повелевает, направляет и указывает. Сама природа слушает мага. Чародеи Серого Ордена были стражами и защитниками, власть не привлекала их. Точнее, так было записано в кодексе Ордена. Но людскую натуру не изменить. Среди сотни честных и возвышенных обязательно найдется гад, которому захочется денег и власти. Это и погубило Орден. Честолюбивый маг по имени Леонид однажды решил, что пришло время перемен. В итоге Серый Орден оказался стерт со страниц истории. Леонид стал ректором университета магии, а чародеи превратились в лекарей, механиков и прислужников.

Я почти привык к мысли, что старшего брата больше нет. Аш не умер, не пропал без вести. Он предал Свободные Земли, предал нашу семью. Не знаю, как бы я поступил, если б встретил его. Не хочу думать, не хочу делать трудный выбор даже в мыслях. Страшно. Мы росли вместе, ели из одной тарелки, делили игрушки. Но Аш решил, что ради богатства и власти стоит совершить предательство. Влюбился в графи-

ню из Скифра, эльфийскую заклинательницу Клана Листа. Катрин и брат украли Сферу Огня, древний артефакт светлорожденных, что хранил Лукар. Сфера в общем-то сама по себе бесполезна. В ней нет убийственной магии, с ее помощью нельзя вызывать землетрясения, двигать горы или менять русла рек. Просто красивая вещица, не более. Но эльфы верят, что артефакт сделал сам Алар, Светлый бог. И народ, владеющий им, находится под покровительством Судьбы и Всевышнего. Только это и сдерживало остроухих. Не позволяло пойти войной на страну, что долгое время носила в себе заразу ненавистного Серого Ордена. Сейчас все изменилось. Эльфы в сговоре с империей, большинство гномьих кланов ушли в Седые Горы и, по слухам, тоже заключают договор со Скифром. В общем, дело дрянь. Свободные Земли оказались под угрозой войны, как и предрекал кузен Тох.

Я сбежал по лестнице, оказался в зале трактира, просторном, но сыром и темном. По раннему времени посетителей еще не было. Трактирщик, мелкий худощавый мужичок, сонно посмотрел на меня из-за стойки: лицо недовольное, хмурое. Я кивнул хозяину, приветливо махнул рукой. Он скривился, но поздоровался. Тут же отвернулся и сделал вид, будто жутко занят. Я пожал плечами — не хочет человек общаться, приставать не буду. Натянул капюшон и открыл дверь.

В лицо сразу же ударила холодная морось. Я поежился, шагнул за порог. Прохожих оказалось неожиданно много. Спешили по своим делам, кутались в плащи. Лица хмурые, в глазах лишь тоска и немой вопрос — когда же наконец закончится дождь?

Тучи низко нависли над крышами домов. Свинцово-серые, тяжелые. Сочатся влагой, неторопливо ползут по небу. Дождь мелкий, ленивый. Такой почему-то называют слепым. Не летний ливень, что может неожиданно налететь, отгрянуть, смыть пыль, принести свежесть и долгожданную прохладу. Этот надолго. Камни мостовой и стены домов мокро блестят. Мутные окна напоминают слепые буркала каких-то чудовищ. В необъятных грязных лужах плавают желтые листья, соломинки, всякий сор. Деревья полуголые, тянутся к небу черными ветками-лапами. Остатки золоти-

стой листвы трепещут на ветру, словно маленькие флажки. Земля укрыта желтовато-бурым ковром. Хорошо хоть грязи нет. Боюсь даже предположить, что творится за городом. В жидкой слякоти можно утонуть. Дороги размыты, путешествовать в такое время одни мучения. Повозки вязнут, лошади поскальзываются, ломают ноги.

Мимо, грохоча доспехами, прошагал отряд стражи. Лица у солдат бледные, губы синюшные от холода. Воины тоскливо оглядывались по сторонам. В глазах мечта о теплом сухом местечке у ярко пылающего очага, кружечке подогретого вина с пряностями.

В последнее время патрулей стало очень много. Еще бы, с границы приходят тревожные вести. Мол, видели отряды имперских скаутов, конные разъезды. А тут еще наши металлы и изделия перестали покупать соседние королевства. Главы городов Свободных Земель забили тревогу. Гарнизоны пограничных крепостей были усилены, в городах увеличены наряды стражи. Стали поговаривать о наборе ополчения. Впервые за долгие годы Свободные Земли оказались под угрозой крупномасштабной войны. Продукты мгновенно подорожали, жилье и сталь, наоборот, обесценились. Одновременно с этим появилось много разбойничьих банд. В душегубы пошли даже добропорядочные и совестливые. Соблазн нажиться за чужой счет в суматохе очень велик. Люди потрусливее или, напротив, поумнее стали бросать дома, уезжать к родственникам в Оокран и другие королевства. Слухи, что обычно передаются вполголоса, а то и шепотом, на ушко, день ото дня становились тревожней.

Большинство мастерских, кузниц и литейных заводиков закрылись. Зачем делать то, что не пользуется спросом? Оставшиеся в срочном порядке производили оружие. Ковали мечи, щиты, доспехи, наконечники копий и стрел, делали самое разное оружие, которым всегда славился наш край.

Месяц назад я потерял работу. Логан прикрыл мастерскую, так как перестали поступать заказы, работников разогнал. Того злосчастного боевого голема я так и не доделал. Конструкцию закончил, даже набросал схемы оживляющих заклинаний. Но на том все и остановилось.

Я натянул капюшон на самый нос. Куртка прекрасно гре-

ла, но от капель, летевших в лицо, к сожалению, не защищала. Опираясь на посох — мостовая очень скользкая, — неторопливо пошел в сторону доходного дома тетушки Свары.

Шагая, отмечал: сегодня на улице странное оживление. Люди металась с испуганными лицами. Пару раз сталкивался с толпами на перекрестках. Гентцы размахивали руками, о чем-то спорили между собой. Самые горластые с высоты импровизированных постаментов, обычно пустых бочек или ящиков, вещали о благе жителей города. К чему-то призывали, ругали власть. Я не прислушивался, обходил сборища стороной. Неинтересно. И так понятно: зажавшиеся и обленившиеся люди с глупой детской обидой требуют вернуть все обратно, возмущаются неожиданными переменами и плачутся друг другу.

По улице пронеслась компания студентов, спеша в университет. Занятия пока не отменили, так что будущие маги усердно овладевали мастерством. Но самые активные удирали с лекций, металась по городу с воззваниями и агитациями.

Город гудел уже вторую неделю, народ волновался. Многие начали вооружаться. Ходили с мечами и кинжалами, кое-кто стал приобретать и кольчуги, арбалеты. В Гент стали пропускать лошадей. Раньше ограничивали количество, дабы не гадили на улицах. За городской стеной когда-то даже выстроили специальную конюшню. Но сейчас плюнули на красоту: время беспокойное.

Я преодолел несколько улиц и оказался на одной из небольших городских площадей. Мне не повезло. Сразу втянуло в круговерть незнакомых лиц. Вокруг стоял шум, гул множества голосов. Я выругался, попробовал выбраться из толпы. Но вокруг были плотные мускулистые тела, злые красные рожи и оскаленные пасти. В основном крепкие мужчины, рабочий люд: грузчики, мастеровые и кузнецы. Меня отпихнули назад, шикнули: «Стой спокойно, а то в морду засветим!» Я застонал сквозь стиснутые зубы. Теперь придется выслушивать очередной бред новоявленных народных спасителей. Сжал посох покрепче, широко расставил ноги, чтобы не сбили.

Толпа взволновалась. Кто-то закричал:

— Идут! Идут!

Я хмыкнул про себя: народ так радуется, словно цирк приехал. Сбросил с плеча волосатую руку огромного мужика, что приплясывал от нетерпения, пытаюсь протиснуться вперед по головам соседей.

— А по какому поводу собрание? — спросил я в пустоту.

Мужик замер, глянул на меня с изумлением. Со скрипом почесал короткую клочковатую бороду и прогудел:

— Ну ты даешь, паря! Ты что, сегодня родился?

Я развел руками, скривился.

— Ну а все-таки?

— Дык, указ мэра оглашать будут.

Что за указ, я расспросить не успел. На площадь вошли несколько отрядов стражников, окружили толпу. Воины были плотно запакованы в доспехи, в руках держали длинные шипастые алебарды и ростовые щиты. На головах не привычные железные шапки, напоминающие тазики, а шлемы-салады с забралами и железными воротниками. Солдаты как на подбор — высокие, широкоплечие. В броне выглядели грозными металлическими статуями, бездушными големами.

Заунывно взвыли трубы. У помоста посреди площади появились разноцветные стяги. Я присмотрелся — таких никогда не видел. Бело-голубые, на гербах изображены перекрещивающиеся мечи и кузнечная наковальня. Нечто новенькое. К власти пришла какая-то партия? Хотя я могу и ошибаться — из меня плохой знаток геральдики. А уж в политике вообще профан. Да и не нужно мне это, своих проблем по горло.

На помост, отдуваясь, влез толстенький коротышка в богатом наряде и шитом серебром плаще. На шее — тяжелая золотая цепь с гербом города. Я пригляделся, сразу понял — кабинетная крыса из той породы закомплексованных и мелочных людишек, что правдами и неправдами рвутся к власти. А заполучив в пухленькие ладошки богатство, задирают нос и воображают себя очень, ну просто очень важными персонами. Круглое личико морщилось в гримасе гадливости и презрения: ведь перед народом надо выступить... Что может быть хуже? Чиновник вздрагивал, с ненавистью смотрел в дождливое небо. Долго пыхтел, пытаюсь унять одышку, вы-

тирал пот со лба кружевным платочком. Наконец справился с собой, что-то сказал стоящему рядом молодцу в доспехах.

Вновь взревели трубы, глашатай в цветастом камзоле призвал к тишине. Люди зашикали друг на друга, стало относительно тихо. Всем было интересно, что же хочет передать через холуев отец народа. Толстяк откашлялся, развернул перед собой большой свиток. Прищурился, заплывшие свиные глазки заметались из стороны в сторону. Перечитывал, чтобы, не дай боги, не ошибиться.

Под ногами мерзко хлюпало. Вся площадь — сплошная лужа, грязная и противная. Пахло мокрой шерстью, крепким мужским потом. Бррр. Волшебная куртка исправно грела, но лицо и руки замерзли. Сапоги потихоньку стали протекать. Как бы насморк не подхватить. Хотя о чем я? Вылечься одним заклятием, но не хочется стараться ради такой мелочи.

— Жители Гента! — провозгласил толстяк с постамента. Голос противный, визгливый, словно у старой стервозной женщины. — Вы знаете сложившуюся ситуацию. В Свободные Земли пришла беда. Соседние государства объявили нам экономическую блокаду. Скифская империя стягивает войска к нашей границе...

— Что такое экономическая блокада, дядька? — спросил молодой кузнец у соседа, крупного широкомордого мужика с длинными усами.

Тот почесал затылок, откашлялся. В глазах стояли страх и тоска. Видимо, знал, что ничего хорошего не будет. Ни сейчас, ни потом. Но уйти не мог — нельзя отрываться от коллектива.

— Значить... торговать с нами не хотят, — пробубнил дядька хриплым, простуженным голосом. — Имперцы, тудыть их за ноги, пригрозили соседям. Нас ослабить хотят.

— Значит, война?! — ахнул парень, широко распахнув голубые, по-детски наивные глаза.

— А че... — хрюкнул усатый. — Война, значить... Ниче, прорвемся. Ты, Вакур, дядьку слушай. Дядька тебе плохого не отсоветует... Сховаем добро, сами схоронимся. Небось стороной беда пройдет.

На них зашикали, а кто-то очень добрый посоветовал хлопнуть пасти.

Чиновник сделал эффектную паузу. На публику работал: если выгонят из мэрии, вполне может стать актером. Еще раз протер лоб платком, воздел руку в величественном жесте.

— Вы должны знать! Разведчики из гарнизонов пограничных крепостей обнаружили крупное скопление имперских войск у наших границ. По словам воинов, скифрская армия почти готова к наступлению. Весной, когда дороги станут проходимыми, тяжелая длань имперцев попытается покорить Свободные Земли.

По толпе пронесся приглушенный вздох. Люди застыли, пораженные страшной вестью. Каждый и раньше понимал, что такое возможно. Но предполагать, пугать друг друга слухами — одно, а слышать, что война не за горами, уже стучится в твою дверь, — другое.

— ...В свете последних событий наш мэр издал указ... Каждый мужчина, способный сражаться, обязан вступить в ополчение! За городом построены временные учебные лагеря. За неявку или уклонение — казнь через повешение! За предательство — казнь через повешение! За несоблюдение режима военного времени — казнь...

Люди волновались, переглядывались, качали головами. По рядам пронесся глухой ропот.

Я потихоньку подался назад, нашел лазейку и стал выбираться из толпы. В голове звенящая пустота, в груди какая-то странная боль. Вот и пришел этот день, Тох не ошибся. И виноват я. Не смог предотвратить, не переубедил Аша, не уберег Сферу Огня... Я сжал посох до боли в пальцах, закусил губу. И что теперь делать? Бежать? Спасаться? Ведь ясно — Свободные Земли обречены. Да и не хочу я драться за край, что погряз в пороках, как свинья в помоях, где люди ничем не отличаются от зверей — похотливых, жестоких, отвратительных. Все бросить и отправится путешествовать? Быть странствующим магом, искать знания и истинное могущество? Можно и так...

Мужчины стояли плотно, плечом к плечу, но я как-то протиснулся. Мне вдогонку неслись ругательства, недовольное ворчание и крики. Кому-то на ногу наступил, кого-то

толкнул плечом. С постамента еще слышался визгливый голос толстяка:

— Введено военное положение. Вся полнота власти сосредоточена в руках мэра! Набор в ополчение будет произведен сейчас же! За это отвечает начальник стражи Гента Патрик Кенар. За зиму каждый должен научиться держать оружие в руках. Граждане, мы должны отстоять свой край! Приказ мэра не обсуждается!..

«Приехали,— подумал я с грустью.— Наш толстячок-мэр оказался не только ценителем женщин и вкусной еды. Захотел абсолютной власти в городе. А ввести военное положение — очень ловкий ход. Видимо, вся стража на его стороне, иначе последовал бы переворот за переворотом. Интересно, цеховой совет уже распущен или еще пытается бороться? Хотя... верно. Лишь жесткая власть может сохранить порядок в неспокойное время».

Я выбрался из толпы, отряхнулся. Вроде бы ничего не потерял, посох в руках, сумка за спиной. Пора бежать. А то как бы в армию не забрили. Перепрыгнул через огромную лужу, увидел впереди вход в подворотню. Было ясно: поход к тетушке Сваре отменяется. Нужно зайти домой, собрать на всякий случай необходимые для путешествия вещи. Отправляюсь в родную деревню, проведаю мать и младшего брата.

Сзади доносились возмущенные крики. Люди протестовали. Понятно: никому не хочется бросать теплые, уютные дома, идти невесть куда, а потом, возможно, погибнуть на войне.

До желанной подворотни осталось совсем чуть-чуть, когда дорогу преградил высокий стражник. Закрылся щитом, наставил на меня алебарду. Весь в железе с головы до ног, из-под доспехов валит пар. Видимо, не первый час бродит по дождю, успел промокнуть. Но тело разгоряченное, под латными пластинами кольчуга, а под ней еще и несколько шерстяных рубах. Глаза зло поблескивают сквозь прорези в забрале, голос гулкий, словно говорит в железное ведро:

— Куда прешь, парень? А кто будет в ополчение записываться?

Я остановился в замешательстве. Пока думал, как посту-

пить, рядом с солдатом словно из-под земли выросли еще двое.

— Что, Марк, беглеца поймал? — громыхнул один.

— Улизнуть хотел под шумок, — хохотнул первый. — Ду-мал, не заметим. Но мы ведь бдим.

— Бдим, — согласился второй и обратился ко мне: — Что ж ты, парень? А кто родину защищать будет?

Я застыл, судорожно пытаюсь найти выход из положения. Эти трое большие и сильные, каждый на голову выше меня, хотя в плечах мы примерно одинаковы. Но они закованы в железо, умеют сражаться.

— По-моему, осталось достаточно кандидатов, — хмуро произнес я и махнул рукой в сторону толпы.

На площади творилось нечто несусветное. На постамент поставили стол, посадили писаря. Людей сгоняли пинками и тычками, выстраивали в очередь. Толпа гудела и редела. Люди мастеровые — мощные, мускулистые. Но в руках солдат оружие. И этим все сказано. Умирать никому не хотелось. Народ постепенно успокаивался, покорно подходил к столу. Писарь что-то спрашивал, быстро черкал гусиным пером по бумаге. Отобранных сразу уводили, строили в колонны.

— Ты тоже сгодишься, — хмыкнул стражник.

— Я маг, — сделал я последнюю попытку отвязаться. Отступил на шаг, надеясь обойти солдат.

— Чародеев записывают в канониры, обслугу орудий и огнеметателей, — сказал первый страж. Надвинулся на меня и толкнул древком алебарды в грудь. — А ну пошел назад, парень! Зашибу!

Мир вокруг залило ярко-алым, внутри у меня все закипело. По жилам пронеслась волна раскаленной лавы, аж пальцы задрожали. Я почувствовал, как от ярости вздуваются тугие желваки на скулах, напрягается каждый мускул в теле. Из темных глубин сознания рвалось нечто страшное и дикое. Я заметил, что после инициации посохом слишком легко прихожу в бешенство. Не знаю, с чем это связано, но сдерживать себя очень трудно. Раньше даже в худшие моменты старался оставаться невозмутимым и бесстрастным. Теперь

любая мелочь может пробудить во мне черную ненависть и жажду крови.

Я зарычал, нагнул голову, словно атакующий бык. Тут же почувствовал, как мир вокруг преобразился: все виделось по-иному, очень четко и ясно. Тело сделалось легкое и быстрое, мышцы стали крепче металла. Теперь я мог гнуть подковы пальцами, ломать человеческие кости. Губы сами собой шептали заученные ранее заклинания. В левой руке тут же появилась маленькая шаровая молния. Зашипела и заискрилась, распространяя запах свежести и летней грозы.

Надо отдать должное стражникам, смелые ребята — не растерялись. Один тут же ударил по руке алебардой. Точнее, попытался. Я двигался слишком быстро. Для них мои движения выглядели смазанными, размытыми. Однако солдату удалось задуманное. Шаровая молния сорвалась с ладони и безбидно размазалась по стене ближайшего дома, оставила после себя темное, чуть оплавленное пятно. За спиной раздались вопли. Меня заметили.

Я плюнул на изыски и кинулся врукопашную. Кулак настиг двоих, смял забрала и вбил железные решетки в зубы. Стражники безмолвно повалились на землю, словно два мешка с сеном. Металл шлемов окрасился в алый цвет, по грязно-серым лужам расплылись кровавые дорожки. Третий солдат охнул, отчаянно рубанул алебардой наискось, сверху вниз. Я быстро шагнул вперед, перехватил древко еще в замахе и вырвал оружие из рук стража. Парень ошеломленно потряс головой, отступил назад и плюхнулся пятой точкой наземь. Недолго думая, подобрал валяющийся рядом щит товарища, спрятался за ним. Злорадно ухмыльнувшись, я медленно сжал пальцы. С сухим хрустом древко разломилось надвое. В ладони осталась лишь горсть щепок и древесная труха. Половинки алебарды упали на мостовую. Стражник ахнул, оттолкнулся ногами и постарался отползти подальше. «Так вам! — подумал я с мстительным удовлетворением. Привыкли, что маги — лишь слуги, неспособные защитить себя механики и лекари. Теперь получайте. Я вас научу уважать чародеев!»

— Кто еще попытается меня остановить? — поинтересовался я невинно.

— Давай я попробую! — гроыхнул кто-то позади. Голос низкий, почти рычащий, словно громадный медведь решил заговорить.

В спину дохнуло холодком опасности. Я резко развернулся, выбросил вперед наверх посоха. Каменный шар в наконечнике увесистый и тяжелый, им можно дробить черепа врагов. Смелчаку не поздоровится. Перед глазами мелькнула смазанная тень, мощный толчок в грудь выбил из меня дух, лишил равновесия. Я отшатнулся, мелко засеменяя, чтобы не упасть.

— Хорошо бьешь, Эскер! Твоя древняя магия не так уж и плоха. А я сомневался,— прогудел рядом знакомый до боли голос.

Я помотал головой, с изумлением уставился на заросшую черной жесткой шерстью физиономию двоюродного брата.

— Тох!

— А то кто же! — сказал он зычным голосом.

Я взгляделся в крупное лицо, в грубые черты, будто небрежно вытесанные из камня двумя-тремя ударами кайла. Брат, как всегда, казался громадным, словно ожившая гора. Руки как бревна, рельефных мускулов нет. Мышцы скрыты под защитной жировой прослойкой. Мощная бочкообразная грудь защищена толстыми стальными плитами доспеха. Руки и торс обнажены. Помимо доспеха брат надел лишь кожаные штаны и сапоги. Ему даже дождь нипочем, густая шерсть защищает на славу. Холода тоже не чувствовал, мог в самый лютый мороз ходить голым.

Тох оскалился в белозубой улыбке. Во рту блеснули длинные острые клыки.

— Бью как умею,— виновато развел я руками.

— У тебя получается,— ухмыльнулся брат.— Можешь двигаться быстрее?

— Наверяд ли.

— Ясно,— кивнул Тох.— Скорость дает тебе магия, но тело-то человеческое, хрупкое. Можешь развалиться на части.

«Действительно,— подумал я.— Обратни полностью контролируют свое тело. Могут менять форму по желанию, полностью перестраивать организм. А у меня так не получится, могу работать исключительно с мышцами. И то не-

много. В этом и есть большой недостаток древнего чародейства. Маги-спецы в своей сфере всегда будут лучше. У боевых чародеев огненные шары и молнии летают быстрее, ликантропы контролируют тело вплоть до последней клеточки. Но у меня есть и огромное преимущество — я владею всеми видами волшебства. Пусть не так быстро, пусть понемногу каждым. Но в сумме получается очень внушительно. Да и Высшая Магия... Но на будущее нужно учесть эти особенности, если придется драться с магами».

Взгляд зацепился за странную деталь. На поясе у Тоха в ременной петле болталась огромная секира. Обычный человек такую не поднимет, надорвется. Широкое лезвие остро заточено. Сколько помню брата, он никогда не носил колюще-режущего. Тох сам по себе оружие, страшное в своей разрушительной мощи. Маги-ликантропы очень опасны в бою. Им ничего не стоит отрастить острые клыки, рога, шипы, отравленные иглы, сделать кожу плотной как дерево... Из оборотней получаются лучшие фермеры: очень чутко чувствуют животных, понимают язык птиц и зверей. Но и воины — величайшие в Свободных Землях.

Тох перехватил мой взгляд, поморщился.

— Символ власти,— пояснил он.— Солдаты должны знать, что перед ними командир.

Моя челюсть медленно отвисла. Я выпучил глаза, изумленно присвистнул:

— И как это понимать?

Брат пожал плечами, с досадой махнул рукой:

— Долгая история. Не рассказывать же под дождем. Пойдем выпьем пивка и поговорим по душам.

Тох мотнул головой. У края площади приткнулся небольшой трактир. На скромной вывеске название: «Полярная сова». Я задумчиво потер подбородок. И правда, почему бы не сходить? В сапогах хлюпает вода, ноги начинают мерзнуть. Пива не хочу, но горячий чай будет кстати...

— Пошли,— кивнул я.— По душам так по душам.

Солдаты так и не очнулись. Плавали в луже, словно острова в бескрайнем океане. Недобитый стражник поднялся на ноги, боязливо следя за каждым моим движением. Тох склонился над поверженными, покачал головой с осуждени-

ем. Осторожно поддел когтями решетки забрал, медленно поднял.

— Приведи друзей в чувство,— сказал брат оставшемуся стражнику.— И доставь в лазарет. Живы, но зубов недосчитаются.

— Да, капитан Альен! — отозвался парень.

Голос у него дрожал, и он все косился на меня — вдруг зарычу и опять начну кидаться молниями. Однако вид начальства привел его в чувство. Война сотрясала крупная дрожь. Так всегда бывает после боя. Бежишь с оскаленной пастью, рычишь, роняешь пену. Готов перегрызть врагам глотки. Но когда сражение заканчивается, чувствуешь себя маленькой и слабой мышкой, серенькой и невзрачной.

Я окинул взглядом низкое небо, заполненное громоздкими ленивыми тучами, устало вздохнул. Не люблю осень. Точнее, период, когда природа агонизирует, готовится к скорым холодам. Серость в небе, серость на земле, серость в душах людей. Деревья стоят полуголые, с остатками чахлой желтой листвы. Весь мир пропитан водой. На крышах домов, верхушках фонарей, зубцах оград сидят толстые нахохлившиеся вороны, лениво каркают... Настроение паршивое, от будущего не ждешь ничего хорошего. Скорей бы зима.

Тох оставил последние указания солдату и обернулся ко мне. Мы прошли к трактиру. Брат толкнул старую разошедшуюся дверь, пропустил меня вперед. Внутри оказалось неожиданно тепло и уютно. В очаге пылал яркий огонь, вкусно пахло наваристой похлебкой и глинтвейном. Несколько толстых свечей давали приятный для глаз золотистый свет. Несмотря на раннее время, тут было много посетителей. Несколько стражников лечили простуженные глотки чаем, компания оставшихся без работы мастеровых угрюмо накачивалась пивом.

Мы уселись за самый крайний стол и подозвали трактирщика.

— Пива! — рыкнул Тох.— И мяса. Побольше.

— Мне травяной чай и тарелку супа,— торопливо заказал я.

Хозяин кивнул, поспешно ушел, опасливо оглядываясь

на моего брата. Обратной всегда боялись. Древний страх живет в крови людей с тех самых времен, когда стаи обезумевших ползуверей сносили с лица земли целые деревни.

— Ну... — велел я нетерпеливо, — рассказывай!

Тох откинулся на стуле, глубоко вздохнул. Неторопливо достал из висящего на поясе мешочка трубку и кисет, стал набивать. Брат никогда не говорил быстро, постоянно старался обдумывать свои слова. Вот и теперь настраивался на нужный лад, приводил мысли в порядок. А трубка помогала сосредоточиться. Наконец набил, посмотрел, правильно ли сделал, и довольно крикнул. Если слишком плотно, табак не загорится; если мало, прогорит слишком быстро. Я нарисовал в воздухе Знак Огня, ароматные листики вспыхнули. Брат глубоко затаился, выдохнул облачко вонючего дыма. Глаза оборотня сфокусировались на мне.

— Ты ведь в курсе? — спросил Тох.

— Происходящего? — переспросил я. — Ну да. Начинается война. Я слышал, что говорил тот толстяк на площади. А я тут при чем?

Брат изогнул кустистую бровь дугой, поскреб щетинистую щеку острыми когтями.

— Собирают ополчение, — медленно сказал Тох. Внимательно посмотрел мне в глаза, пытаясь что-то найти или понять для себя. — Каждый мужчина Гента обязан взять в руки оружие и учиться ратному делу. Весной имперская армия перейдет границу и нам станет жарко.

Трактирщик принес заказ. Поставил предо мной глубокую миску с горячим супом и кружку чая. Я потянул носом — суп пах одуряюще. Наваристый и ароматный. В золотистом бульоне плавала оранжевая морковка, кружочки лука и большие куски мяса. Поверхность — вся в желтых крапинках жира — исходила паром. Во рту сразу же скопилась слюна, желудок заворчал, словно голодный пес. Перед Тохом появилось большое блюдо с толстыми ломтиками жареной свинины. Рядом огромная глиняная кружка с белоснежной пивной шапкой. Стенки запотели, покрылись маленькими капельками.

Тох сдул пену и степенно отхлебнул. Посмотрел на меня

вопросительно. Я вздохнул тяжело. Хотелось взять ложку и погреться супом, но разговор прежде всего.

— К чему ты клонишь? — спросил я устало.

Брат грохнул кружкой по столу. Пиво выплеснулось, шипящей волной побежало по исцарапанной столешнице. Глаза оборотня вспыхнули зловещим желтым светом, в недрах широкой груди родился раздраженный рык.

— Ты должен служить, Эскер! — рявкнул Тох. — Не прикидывайся дурачком!

— Я никому и ничего не должен, Тох, — медленно произнес я.

Осторожно взял кружку с чаем, отпил чуть-чуть. Трактирщик заварил мяту вместе с липой, добавил немного калины и меда. Вкус странный, горьковато-сладко-кислый, душистый. Но согревает хорошо.

В душе разгорелась злость, но какая-то сонная. Хотелось просто встать из-за стола, отмахнуться: мол, отстаньте, я сам по себе — и уйти по своим делам. Мышцы плеч и рук напряглись, я упрямо наклонил голову, плотно сжал рот. Сейчас Тох будет уговаривать и увещевать, стыдить, угрожать. А потом, когда поймет, что бесполезно, — разозлится и уйдет, громко хлопнув дверью трактира.

Брат неожиданно расслабился, втянул когти. Глаза вновь стали обычными, человеческими. Посмотрел с презрением, но говорить не стал, надолго задумался. Потом шумно вздохнул, осушил кружку в один глоток.

— Что с тобой, Эскер? — спросил он, внимательно разглядывая потолок трактира. — Ведь это наша земля. Наши люди. Мы должны их защитить.

Тох повел рукой в широком жесте. Глянул на меня исподлобья, нервно закусил губу клыком.

— А зачем? — хмыкнул я.

Брат выпучил глаза, наклонился ко мне через стол.

— Ты заболел, Эскер?

— Нет, — равнодушно ответил я. — Просто не хочу сражаться за людей, которым ничего не нужно. Послушай сам, о чем говорят...

Я кивнул в сторону компании мастеровых, подмигнул Тоху. Рабочие уже опьянели. Сидели, угрюмо переглядыва-

лись. Разговаривали вполголоса, о чем-то спорили. Но постепенно страсти накалились, голоса стали громче. Кто-то не выдержал, бухнул кулаком по столу, выпалил:

— Да зачем вообще война? Ведь можно и миром... Придут имперцы, а мы хлебом и солью встретим. Пусть живут среди нас, работают. Какая разница, кому платить налоги?..

— Налоги в империи высокие, — перебил другой, широкомордый низкорослый мужик. — Будут обдирать как липку. Своих денег не увидим. Все подгребут под себя графья и бароны.

— Если будем супротивляться, они разрушат и сожгут наши дома, — возразил первый. — Пусть... проживем как-нибудь. Свое добро ближе к телу. А если будем драться, изнасилуют наших жен, поубивают детей. А графья... ничем не хуже наших мэров и чиновников.

— Чужаки и так это сделают, — нахмурился второй. — Но мы будем как стадо покорных баранов. Нас стригут, а мы молчим.

— Дурак ты, Ивар! — гаркнул первый. — Ниче, авось прорвемся...

Широкомордый попытался возражать, к чему-то призывать. На испещренном глубокими морщинами лице ярость и упрямство. Но на него зашикали, велели заткнуться. Ивар оказался в меньшинстве. В глазах остальных мелькал страх и робкая надежда, что обойдется, будем жить, как жили.

— Авось прорвемся! — подхватили мастеровые. — Авось переживем!..

Тох нахмурил косматые брови, забарабанил пальцами по столешнице. Я горько улыбнулся и пожал плечами. Кивнул на стражников. Эти отогрелись после дежурства, повеселели. Громко разговаривали, обсуждали женщин. Один, высокий и статный, с щеголеватыми усиками и холеным лицом, привстал из-за стола и расправил плечи. Зычно рассказывал о любовных похождениях. Остальные похохотывали, хлопали в ладоши.

— ...я дал жару, аж пищала. А она мне — давай еще. А я ей — остынь, детка, отдохни, ведь надо и мамочке твоей оставить...

— Так ты и мамочку... того? — хохотнул кто-то из компании.

— А то! — важно кивнул стражник, облизнул губы. — Хороша пышечка! Что ни говори, опытная женщина любит иначе. С душой...

— Ну ты мужик! — засмеялся ближний товарищ.

— А то! — согласился ловелас.

Остальные заржали, весело и нагло. Дружески хлопали друг друга по плечам, перемигивались. Глаза каждого масляно блестели.

— И этих людей ты хочешь спасти? — сказал я, опустив взгляд.

В груди как будто застрял маленький колющий шарик вечной мерзлоты, выхолаживал кровь, останавливал сердце. Сам того не замечая, я задрожал от злости и отвращения. Брат пристально посмотрел на меня и надолго умолк. Чтоб легче думалось, стал таскать мясо с блюда, отправляя в рот.

— Хочу, — медленно ответил он. — Обязан.

— А я не хочу сражаться вместе с такими... такими... — проворчал я, загнувшись, не в силах найти подходящее слово.

— Свињьями? Гадами? Тварьями? — подсказал брат. — Я тебя понимаю, Эскер. Очень хорошо понимаю. Люди обленились. Живут по принципу — моя хата с краю. Но ведь мы не такие, мы можем быть лучше...

— Правда, что ли? — ехидно хмыкнул я. — Ты сам веришь в то, что говоришь?

Брат промолчал. Быстро доел мясо, слизнул жир с пальцев и уставился на меня блестящими глазами.

— Как тетя Маара? — неожиданно спросил он. — Как Витар?

Я вздрогнул, посмотрел на Тоха с удивлением.

— Нормально, — ответил я осторожно, еще не понимая, куда он клонит. — Недавно получил письмо. У них все по-прежнему. А почему спрашиваешь?

— Да так просто... — пожал плечами брат. — Хотел напомнить, что твои родные живут в Свободных Землях.

— Вот поэтому и хочу уехать, — сказал я. — Увезу родных подальше, буду защищать.

— Но ведь так неправильно! — возмутился Тох.

— А что правильно? — с мукой воскликнул я.— Ты можешь мне сказать? Воевать за стадо похотливых свиней? А может, Аш был прав, когда сбежал с остроухой?..

Я запнулся, чуть не хлопнул себя по лбу. Мрон, ну кто меня за язык дернул! Тох застыл, широкое лицо помертвело. В карих глазах плеснулась невыразимая мука, бесконечная тоска. Брат медленно положил руки на стол, несколько раз глубоко вздохнул. А когда заговорил, голос показался мне голосом мертвеца.

— Эскер... — Он тяжело сглотнул комок, устало закрыл глаза.— Неужели ты думаешь, что предательство брата волнует только тебя?..

— Прости, Тох! — с раскаянием сказал я.— Не хотел...

— Нет, послушай! — неожиданно зло рявкнул оборотень. Даже привстал со стула, на меня посмотрел с бешенством.— Ты замкнулся, страдаешь, жалеешь себя... Как мне плохо, мой брат предатель... вокруг одни предатели, твари, подлецы и гады. И чем же я лучше? Буду думать о себе и своей ничемной шкуре. Буду предавать, лгать и лукавить! Ведь никто не заметит, все такие! Так ты думаешь, брат? Так. Вижу по глазам... Но ведь ты оправдываешь сам себя. Думаешь, что остальные гады, а ты хороший, умный и красивый. Остальное стадо и ногтя с твоего мизинца не стоит. Зачем драться за земли, где живут такие поганые люди, что не увидели в тебе личность, не хлопают в ладоши при встрече, не кланяются и не слизывают пыль с сапог?.. Ведь так?

Лицо брата покраснело, глаза налились кровью. Оборотень брызгал слюной, шипел, словно рассерженный кот. Голос то и дело срывался на низкое звериное рычание. Но Тох каким-то запредельным усилием держал себя в руках, не обращался. Лишь клыки стали угрожающе длинными и острыми, когти царапали и крошили столешницу, словно сухой хлеб. Я отшатнулся в испуге: не хватало еще получить когтистой лапой по лицу. Губы сами собой начали шептать защитные заклинания. Но я очнулся, мотнул головой — это же брат, не враг. Еще расценит как трусость или похуже... Тряхнул головой, разрушил почти выстроенный силовой щит.

Стражники перестали обсуждать баб, замерли. Руки при-

липли к рукоятям коротких мечей. Но вмешиваться не решились, увидели в Тохе высокое начальство. Мастеровые перепуганно съежились, опустили глаза. Начали вытряхивать мелочь из карманов.

— Возможно,— пробормотал я и отвел взгляд. Странно, но мне было стыдно смотреть ему в глаза. Хотя с чего бы? Раздражение во мне сгустилось, я скрипнул зубами.— Но не учи меня жить. Я достаточно взрослый, чтобы принимать самостоятельные решения.

— Правда? — удивился брат.— Что-то незаметно. По-моему, ты просто артачишься из-за того, что я пытаюсь навязать... ведь ты именно так думаешь... навязать свое мнение. Совесть не мучает, Эскер? А ведь должна бы. Я просто хочу сказать, как правильно. А ты упрямишься, словно старый осел.

— Благодарю за сравнение,— буркнул я.— Очень точно отображает...

— Ты опять меня не слышишь,— с укором сказал Тох.— Ты самовлюбленный эгоист, Эскер. Гордый, упрямый эгоист.

Я поморщился, постарался успокоиться. Ведь знал же, что Тох будет давить на это. Даже приготовился к обороне, заготовил кучу аргументов и оправданий. Так почему же чувствую себя полным дерьмом?..

Мастеровые расплатились и тихонько выскочили в дверь. Гуськом, один за другим. Испуганно оглядывались на нас, вжимали головы в плечи. Стражники пошушукались между собой. Наверняка решили, что продолжать шуметь под носом у начальства неразумно, и тоже ретировались. Мы остались одни с братом. Трактирщик с неудовольствием глянул на нас — распугали посетителей, злодеи. Но промолчал, ушел за стойку и принялся протирать тряпкой пивные кружки.

— Вот оно, Тох,— улыбнулся я.— Даже смелости и гордости у народа нет, не говоря уже о чести и достоинстве. Мы проиграем войну. Такие не станут сражаться, а просто станут на колени перед имперцами и молитвенно сложат ручки — делайте что хотите, только не убивайте и добро не трогайте.

— Люди могут стать лучше, Эскер,— проворчал Тох.— Ты не понимаешь — им пример нужен. Если найдутся такие, что поведут за собой, вдохновят на подвиги...

— Из меня плохой вдохновитель,— сказал я и быстро допил успевший остынуть чай.— Геройствовать не нанимался.

— Я тебя об этом и не прошу,— невесело рассмеялся брат.— У тебя мания величия, Эскер.

— Может быть,— скривился я.— Что ты еще найдешь во мне неправильного?

— Не говори глупостей,— парировал Тох.— Просто выполни свой долг.

— Я тебе говорил, что никому не должен,— заупрямился я.— Извини, но воевать не буду.

Брат открыл было рот, чтобы выразить свое возмущение и злость, но лишь махнул рукой, усталое вздохнул. Широкие плечи поникли, словно под тяжким грузом. Тох обмяк, расплылся по стулу бесформенной массой плоти и доспехов. Огонек в его глазах погас, на меня посмотрел как на пустое место. Я поежился, передернул плечами. Неужели так серьезно?

— Эскер!..

— Да? — отозвался я, уже понимая, что сейчас сдамся, дам себя уболтать.

— Не предавай хоть ты меня,— тихо попросил Тох.— Я не смогу выдержать еще одного такого удара.

Я посмотрел в карие глаза и поежился. В них проглядывала бездна, темная и всепоглощающая. Не знаю, как Тох еще держится... А держится ли он? Цепляется за любую соломинку, карабкается, пытается удержать свой рассудок на плаву. А я — одна из соломинок.

Ответственность. Как я ее боюсь. Стараюсь обойти стороной, не принимать на себя. Это обязывает. Но я действительно должен. Не себе, не паршивой стране или глупым ленивым людям. Я должен брату. Потому что он надеется на меня. Родная кровь — нечто большее, нежели просто похожие черты лица, детство, проведенное вместе, или глупые семейные отношения. Родная кровь — последнее, что у нас остается, когда остальное разрушено, сожжено и развеяно в прах. Но когда и кровь предает, то ты остаешься один в боль-

шом суровом мире. И некому прикрыть спину, некому сказать ободряющие слова...

— Мы ведь братья,— почти шепотом сказал я.

— Да, мы братья, Эскер,— так же тихо ответил Тох.

— Я сделаю это,— выдавил я такие трудные для себя слова.— Обещаю. Вступлю в ополчение, буду сражаться за Свободные Земли.

Тох пронзил меня взглядом, кивнул каким-то своим мыслям.

— Завтра явись в тренировочный лагерь на окраине Гента. Я встречу тебя, припишу к хорошему сержанту. У нас осталось не так много времени, чтобы подготовиться к вторжению.

— Хорошо,— обреченно кивнул я.— Приду. У меня одна просьба.

— О твоей матери и Витаре позабочусь,— угадал оборотень мысли.— Отец отправляется туда со дня на день. С ним небольшой отряд. За зиму найдут в лесах укромный схрон, подготовят и обустроят. Не беспокойся, все будет хорошо.

— Благодарю,— вздохнул я.— Тох, мы выживем?

Брат побарабанил пальцами по столешнице, нахмурился.

— А Мрон его знает,— хмыкнул он.— Как судьба распорядится. По донесениям разведчиков, имперская армия насчитывает около десяти тысяч солдат и продолжает увеличиваться. Прибывают новые отряды. Они в добротных доспехах, с хорошим оружием. Наше лучше, но у них преимущество в живой силе и подготовке. Нас не так много, да и силы разрознены. Если прорвут фронт на границе, города будут защищаться поодиночке. А это очень плохо. Гент может выставить лишь полторы-две тысячи воинов. В чистом поле рыцарская конница разметает нас, как сухие листья по ветру. Так что закроем ворота и будем надеяться на неприступность стен. А там как боги решат...

— Очень хороший план,— съязвил я.— Просто гениальный.

— Я ничего не решаю, Эскер,— виновато развел руками Тох.— Политика. Мы, конечно, подготовимся к осаде на всякий случай, возведем несколько линий укреплений и ловушек вокруг города. Заготовим боеприпасы, воду и пищу.

Если надо, сможем держаться несколько лет. Стены неприступны — маги-строители хорошо поработали в свое время.

— Хороша политика, когда город грабят и жгут, а соседи тихо сидят за стенами и сопят в две дырочки. Нашего добра там нет — значит, хоть в пепел превратись, пальчиком не шевельну,— фыркнул я.

— Ты прав,— согласился Тох.— Мы слишком привыкли, что «наша хата с краю». Но мировоззрение нужно менять или ломать. Пошлем зимой большой отряд на границу. Гарнизоны крепостей нужно укрепить.

— Не получится,— хмуро сказал я.— Каждый будет грести под себя. И прежде всего Лукар. Будет большая ссора и дележ власти даже в пылу сражений.

— Ты пессимист, Эскер,— укорил брат.— Все не так плохо, как ты думаешь.

— Правильно,— подхватил я.— Гораздо хуже.

— Точно, пессимист,— улыбнулся Тох.

— Что говорить,— вздохнул я.— Время покажет.

— Покажет,— согласился оборотень.— Но я все сделаю для того, чтобы у нас получилось. И остальные тоже будут стараться.

Я с тоской глянул в миску. Суп остыл окончательно и бесповоротно. На поверхности появилась твердая и противная корка жира. Кусочки морковки и лука опустились на дно и уже не выглядели такими восхитительно яркими и привлекательными. Я представил вкус холодного супа, поморщился. Лучше воды из лужи полакать!

— Остальные — это кто, например? — поинтересовался я.

— Патрик,— ухмыльнулся Тох.— Мэр пляшет под его дудку. Так что власть в наших руках.

— У-у-у... — протянул я.— Тогда понятно. Уже лучше.

— Нам очень пригодится твоя древняя магия,— словно невзначай сказал брат.

— Не слишком-то рассчитывай на нее,— поморщился я.— Даже на подмастерье Серого Ордена не тяну. Да что там, меня б и в ученики не взяли.

— Ладно,— согласился Тох.— Посмотрим. Время покажет.

Ликантроп встал со стула, отряхнул с длинной черной

шерсти на животе невидимые соринки. Поправил пояс и ремни, удерживающие доспехи.

— Уходишь? — спросил я.

— Дела зовут, Эскер, — ослепительно улыбнулся брат. — Я капитан городского ополчения. Должность обязывает.

Я в очередной раз поразился, как быстро у Тоха меняется настроение. От грусти не осталось и следа. Оборотень оскалился в белоснежной улыбке, с треском почесал шерсть на пузе. То ли блохи замучили, то ли просто красовался. У оборотней всегда так. Эмоции искренни, настроение неуловимо быстро меняется. Тох может улыбаться, весело и оглушительно ржать над шутками, а в следующий момент в дикой вспышке бешенства будет кромсать врагов на ремни, не обращая внимания на собственные раны.

Тох махнул мне рукой, пошел к выходу. Я улыбнулся. Брат топал, словно целое стадо быков, бредущих на водопой. Посуда в трактире звенела, пол жалобно скрипел. Вылитый медведь-шатун, разбуженный в зимнюю пору. Хозяин глянул с опаской и укоризной, едва не плюнул в сердцах.

Хлопнула дверь, и я остался в одиночестве, не считая трактирщика. Но тот сидел тише воды ниже травы. Косился с опаской, уже знал — я брат того мохнатого и злого.

Я задумчиво посмотрел в потолок, стал считать паутинки на балках перекрытий. В голове роилось множество мыслей. Но бестолковые и какие-то несуразные. Почему-то вспомнился Шед, наш поход по Преисподней. С тех пор я часто говорил с мертвым рыцарем в воображении, пытался оправдаться, что-то объяснить, попросить прощения...

Расплатившись, я вышел из трактира, подставил лицо дождю. Мелкие ледяные капли охладили кожу, стали затекать за воротник. Посох в руках нагрелся, шипел, исходил паром. Почувствовал, что хозяину холодно, и решил помочь. Я сжал древко, мысленно сказал: «Не надо. Привлекает внимание». Посох послушался, медленно остыл. Небо было такое же хмурое и безрадостное. По мостовым журчали грязные ручейки. Людской муравейник на площади бурлил, разноголо-со перекликался, ревел и стонал.

Нужно сходить домой, собрать необходимые вещи. Кто знает, когда еще там появлюсь. Книги и золото — все, что мне

нужно. Остальное добуду сам. С Тирой бы еще попрощаться. Но уж как получится. Найдет себе кого-нибудь, утешил я себя. Девочка красивая, долго грустить не будет.

— Смутные времена настали, не так ли, молодой человек?

Я обернулся на голос. Рядом стоял сухощавый пожилой мужчина в ветхом сером плаще. Мокрые седые волосы прилипли ко лбу, испещренному морщинами. Я пригляделся: лицо худое, на нем орлиным клювом выделяется нос. Губы тонкие и упрямые. Серые глаза с грустью взирают на творящееся вокруг.

— Да, времена чудесные, — съязвил я по привычке, спрятав лицо под капюшоном. Дождь, еще секунду назад доставлявший странное извращенное удовольствие, застудил губы и нос. А болеть нельзя.

Незнакомец бросил на меня быстрый взгляд, улыбнулся.

— В Свободных Землях поднялся ветер перемен, — сказал он. Голос хрипловатый, даже скрежещущий, но почему-то приятный. — И никто не знает, что будет завтра.

— Все будет хорошо, — одними губами сказала я.

— Несомненно, — спокойно произнес незнакомец. — Ветер перемен — всегда хорошо.

Бродяга закутался в плащ плотнее и побрел прочь. Я проводил его взглядом и пожал плечами. Странный человек. Было в нем что-то тревожное. Хотя что это я? Сам же из этих...

ГЛАВА 2

— Ну что, сучьи дети, собрались?

По рядам ополченцев прокатился нестройный гул. Люди стояли под пронизывающим ветром. Кутались в теплые шерстяные плащи. Дождь наконец прекратился, но с востока подул ледяной, пробирающий до костей ветер, предвестник скорой зимы. Тучи летели по небу, словно серые призраки, сердитые и быстрые. Воздух был сырой, одежда быстро впитывала в себя влагу, становилась тяжелой и мокрой.

Я пробрался в задний ряд ополченцев, огляделся по сторонам. Не везет так не везет. К тренировочному лагерю до-

брался лишь к девяти утра и как раз успел на построение. Ополченцы, еще вчера бывшие кузнецами, механиками, грузчиками и мелкими торговцами, стояли с несчастными лицами, перешептывались. Никому не хотелось учиться ратному искусству. Люди привыкли к тому, что их защищают и оберегают. То там, то тут раздавалось робкое и полное надежды: «Ребята, а может, ну его?.. Посмотрели и по домам?..»

Я упер посох в землю, поправил сумку на плече. Тяжелая, зараза. Каким-то образом умудрился засунуть туда книги и кучу разнообразной мелочовки. Оделся как и накануне. Но штаны и сапоги заменил на новые, более надежные и прочные. Чувствовал себя немного усталым и сонным. Целую ночь не спал, бродил по холодному неуютному дому, пил чай и думал. О себе и братьях. О том, что случилось. Мысли перепрыгивали с одного на другое, путались, заводили в дебри. В конце концов я решил оставить все как есть и плыть по течению.

Лагерь оказался большой. И хотя строили в спешке, выглядел он достаточно внушительно. На одной стороне стенка к стенке стояли длинные приземистые здания — казармы. Тут же приютилась кухня. На противоположной — арсенал и склады. Постройки временные, сделаны из дерева. По весне можно будет сжечь или растащить на бревна, которые потом пойдут для иных дел. Огромная тренировочная площадка наспех утоптана, лужи присыпаны гравием. Лагерь обнесен частоколом из толстых, заостренных сверху бревен. По периметру стояли часовые с алебардами и взведенными арбалетами, смотрели зорко и испытующе. Мол, давай беги, если хочешь, мне охота отточить мастерство, пострелять по движущейся мишени.

Перед строем ополченцев прохаживался высокий худой воин в длинной вороненой кольчуге. Полковник Эльд, наемник на службе Гента и начальник тренировочного лагеря. Уроженец Тарка, морского государства, что расположено к югу от Свободных Земель.

Его темное от загара лицо было иссечено шрамами так сильно, что походило на полосатую кошачью морду. Черные, немного раскосые, колючие глаза с презрением обозревали

людей, тонкие губы неприятно кривились. Полковник не говорил, а буквально выплевывал слова с едва заметным южным акцентом.

За спиной тарка выстроился командный состав. Битые жизнью, побывавшие не в одном сражении воины. Плечом к плечу стояли тарки, окранцы и нгарцы, уроженцы мятежных восточных областей Скифрской империи. Разные как по цвету кожи, так и по одежде, по манере держаться. Их родило лишь одно — взгляд. Блеклые и равнодушные глаза, змеиные, не человеческие. На нас они смотрели как удавы на кроликов.

— Значит, так. — Полковник повысил голос, строго глянул на нас. — Ни к чему объяснять прописные истины. Пройдете отбор у сержантов, распределитесь по десяткам. Потом вам выдадут оружие и броню. И сразу начнем тренировки. Времени у нас мало, за зиму вы должны стать хорошими воинами.

— То есть как... — осмелился подать голос кто-то из толпы. — Зимой же холодно.

— А вот так, — неприятно усмехнулся Эльд. — Будете тренироваться даже в глубоких сугробах. Только крепче станете.

Толпа возроптала, заволновалась.

— А жрать нам дадут? — громко спросил тот же человек.

— Дадут, — скривился полковник. — Позже.

— А я сейчас бы брюхо набил, — крикнули из рядов. — Да и горячего винца не помешало бы.

Люди вокруг одобрительно загудели, стали кивать головами — да, пожрать бы не мешало. А то как же на голодный желудок прыгать и бегать? Можно надорваться. Да и холодно, в такую погоду надо по домам сидеть, греться у огня.

— Тебя накормят, шутник! — хищно оскалился тарк.

Полковник резко мотнул головой. Тут же подбежали молодцы, закованные в латы. Безошибочно отыскали в толпе провинившегося, за шкуру притянули к командиру и бросили у ног. Эльд холодно посмотрел на молодого парня, что возился на земле, пытался встать, постанывал и побряхтывал. Солдаты не слишком церемонились, по дороге успели дать ему несколько чувствительных пинков.

— За нарушение дисциплины в военное время... — медленно произнес полковник. Во взгляде черных глаз сверкнуло бешенство.— За нарушение дисциплины солдат города Гента приговаривается к десяти ударам плетью.

Воины подхватили парня, оттащили прочь. Привязали к коновязи у казарм. Один сорвал с бедняги плащ и шерстяную рубаху, в руках второго тут же появилась длинная кожаная плеть. Оглушительно щелкнуло, парень взвыл благим матом, дернулся. На голой спине появилась кровавая полоса. Еще щелчок. Кнут разорвал кожу, полетели кровавые брызги.

Толпа угрожающе заворчала. Кто-то взвизгнул — наших бьют. Люди медленно двинулись вперед. Но тут словно из-под земли появился десяток солдат, прицелились из арбалетов.

— Еще шаг — и воины будут стрелять! — рявкнул Эльд.— Кто-то хочет умереть сегодня?

Люди опускали руки, с хрустом сжимали кулаки в бессильной злобе, ворчали, словно цепные псы. Но в конце концов отступили, послушно построились в ряд. На лицах застыли недоумение, страх и растерянность. Раздался последний щелчок плети. Тело незадачливого шутника обмякло, упало на землю. Воины принесли ведро холодной воды, его окатили с головы до ног. Парень пришел в себя и жалобно застонал. Его отвязали, увели куда-то.

— Так будет с каждым,— угрожающе сказал полковник. Прошелся перед толпой, держа руку на рукояти длинного меча.— За нарушение дисциплины — плеть! За побег — смерть через повешение! По законам военного времени. Вас тут пятьсот человек. Будет больше. Из каждого я сделаю воина. Каждый научится держать меч к концу обучения. И еще... это нужно вам, а не мне. В вашу страну пришла война, а не в мою...

Эльд что-то сказал подручным и пошел в сторону отдельной казармы для командного состава. В манере держаться, в каждом движении сквозила гордость и сила вперемешку с жестокостью. Полковник чем-то напоминал старого волка-одиночку.

— Разделиться по десяткам! — взревели сержанты. — А ну быстро, смазка для мечей!

Толпу разогнали пинками и тычками солдаты, стали делить по взводам. Я остался на месте. С тоской посмотрел в беспокойное небо. Глубоко вздохнул, пытаюсь унять раздражение. Угораздило же меня так попасть. А ведь сам пришел, мронов глупец! Порядки тут... ммм... интересные. Но, наверное, так и нужно, чтобы превратить обычных мужиков в настоящих солдат. Только я и сам один из этих нежных и ранимых, жутко гуманных людей...

Кто-то пришел сюда налегке, другие притащили с собой целые мешки провизии, бочонки вина. Видимо, надеялись на обычный загородный пикничок. Мол, выпьем с солдатычками, побратаемся, а они нас и отпустят с богом. Но не тут-то было. Во всеобщей суматохе сумки и мешки оказались раскиданы по плацу. Солдаты усердно работали тупыми концами копий и алебард, щедро раздавали удары. Зло орали, брызгали слюной.

— А тебе особое приглашение нужно? — раздался над ухом раскатистый бас.

Я оглянулся, увидел двоих солдат. Воины недобро ухмылялись, держали наготове алебарды для тычков. Я отскочил, углядел рядом неполный еще взвод и затесался между двумя одинаковыми детинами, по виду грузчиками. Солдаты разочарованно скривились, побежали в другую сторону. Оттуда раздался рев и ругань сержанта, глухие удары — нашлись непокорные.

— Изверги! — с ненавистью в голосе прошептал парень слева. — Что творят?!

Я бросил быстрый взгляд, хмыкнул. Детинушка — кровь с молоком, даже сквозь одежду видна могучая грудь, ткань трещит под напором тугих мышц. Парень засопел, утер нос пудовым кулаком. Справа мялся такой же парняга, черты лица один в один. Братья, видимо. Этот угрюмо набычился, злобно пыхтел и смотрел исподлобья. Отовсюду раздавались тихие ругательства, кто-то молился богам, чтобы ниспослали избавление.

Подошел сержант — невысокий крепыш, закованный в латы. Черты лица смазанные и незапоминающиеся, даже го-

лос оказался невыразительным и скучным. Воин придиричливо осмотрел наш десяток, хмыкнул что-то под нос.

— Пошли, что ли, — сказал он и махнул рукой. — За мной!

Мы потоптались немного на месте, медленно поплелись за ним. Сержант подвел к небольшому сараю с широкими воротами.

— Каждому по комплекту брони и оружия. Со временем заменим на более удобное. Но сейчас будете привыкать к тому, что есть.

Я заглянул в сарай. Внутри было темно и сыро. Слышалась какая-то возня, скрежет металла и шорохи. Неприятно пахло мокрой тканью и прогорклым маслом. В лицо дохнуло ядреным ароматом смеси лука и крепкого перегара. Я отшатнулся, брезгливо зажал нос пальцами.

— Забирай обмундирование, солдатик, — проскрипел кто-то из темноты.

Мне в руки ткнулся тяжелый тюк. Я едва успел подхватить, по инерции отшатнулся назад.

— Следующий! — проворчали из темноты.

Я опустил тюк на землю, с интересом осмотрел. Рулоном связаны кольчуга, короткий меч в деревянных ножнах, какие-то накладки, лоскутки из кожи и металлических пластин. Сбоку на бечевке болтался конический шлем-барбют. Простой, без всяких забрал и прочих изысков. Передняя часть открытая, значит, лицо защищено не будет. Тонкая стрелка наносника не в счет.

— Дрянь, — презрительно сплюнул один из товарищей по взводу, широкий бородатый мужик с неопрятной бородой в подпалинах. Наклонился над моей амуницией, пощупал толстым, заскорузлым пальцем. — Металл тонкий, паршивого качества. Наспех сделано.

— Разговорчики! — буркнул сержант. — Забираем обмундирование и за мной. Будем смотреть, на что вы способны.

Справились быстро. Каждый получил свой тюк с железками. Позади выстроилась приличная очередь, подошли остальные десятки. Люди стояли угрюмые, но покорные. Молчали и терпеливо ждали, с тоской наблюдая за летящими по небу черными тучами.

Сержант отвел нас в сторонку, построил в линию.

— Надеть доспехи! — приказал воин.— Живее, новобранцы.

— Может, не надо? — заныл один из грузчиков.— Зачем нам это?

Воин хмыкнул, лениво ткнул парня под ребра кулаком. Удар вроде был не сильный, но детина рухнул как подкошенный, схватился за живот и жалобно всхлипнул.

— Мроново отродье! — рыкнул его брат и пошел на сержанта с перекошенным от злости лицом и занесенными кулаками.— Счас я тебя в блин раскатаю!

Но тут же оказался на земле с разбитым носом. Я улыбнулся — а сержант не лыком шит. В который раз убеждаюсь, что первое впечатление, как правило, обманчиво. Выглядит сонным и вялым, нарочито расслабленным. Но бьет быстро и хлестко, прицельно. Движения уверенные, отработаны годами тренировок и боев. Значит, жизнь была беспокойная, раз приобрел такой опыт. Наши стражники по сравнению с наемниками выглядят жутко неуклюжими и медленными. Хотя это все равно что сравнивать дворняг и волков. Первые все больше лают, кусают лишь в самом крайнем случае, а вторые убивают сразу.

Сержант вновь расслабился. Потер кулак, ушибленный о крепкий череп грузчика. Испытующе глянул на остальных. Все покорно развернули тюки, стали натягивать кольчуги, цеплять к поясам ножны. Братья, постанывая и побряхтывая, поднялись с земли. Один держался за живот, второй размазывал кровь, хлещущую из носа. В глазах теперь остался лишь раболопный страх. Ребята схватились за свои свертки и стали напяливать доспехи, трусливо оглядываясь на командира. Но броня была явно не по размеру. Железные кольца хрустели и трещали, кольчуги растягивались. Шлемы тоже оказались маловаты. Братья помогали друг другу, спешили. Но получалось откровенно бестолково.

Глаза сержанта остановились на мне, черные зрачки сузились.

— Эй ты, с посохом... Чего стоишь столбом?

— Я не думаю, что мне это нужно,— сказал я и пнул сверток у ног.

Воин задумался, лениво почесал небритую щеку.

— А тебе думать не положено,— хмыкнул наемник.— Ты должен выполнять.

— Да ну? — хмыкнул я и наголовато ухмыльнулся.

— Воин, шаг вперед! — зарычал сержант.— Проверим, на что ты способен.

Я повиновался. Сумку с книгами снял с плеча, положил на землю, чтобы не мешала. Перехватил посох поудобнее. Ясно было: хочет поучить меня уму-разуму, вдолбить уважение к командиру. Заодно преподаст урок остальным, заставит повиноваться беспрекословно.

Воин окинул меня быстрым взглядом. Сержант отметил ширину моих плеч, рост, прикинул вес, сколько в теле тугих мышц, а сколько вялого жирка. Лицо было все такое же невыразительное, но глаза стали острыми и холодными, как наконечники копий.

Командир шагнул ко мне и резко ударил в лицо. Я увернулся, но бить в ответ не стал, остановился в ожидании. Воин поморщился — решил, что это случайность, новобранец не может быть таким прытким. Налетел на меня вихрем, разразился целой серией ударов. Но я каждый раз уклонялся. Для меня его движения были медленными и вялыми. Хорошо, что успел заранее шепнуть простенькое заклинание. Оно повысило мою скорость, увеличило силу и немного замедлило время в восприятии. Сержант наконец понял, что я издеваюсь, и потянул руку к рукояти меча.

— Не советую,— проворчал я.

В груди колыхнулась черная злость. Умом я понимал, что это необходимо, что людей надо учить ратному делу. Иначе потом будутдохнуть как мухи. Но вторая часть природы протестовала, визжала и кривлялась — мол, я что, крайний? А оно мне надо?

В моей ладони возник небольшой огненный шар, вспыхнул ярким оранжевым светом. Сержант отшатнулся, прикрылся рукой от волны колючего жара. Но волосы на голове все равно тлели и плавилась. На лице воина отразился испуг, глаза полезли на лоб. Я зловеще ухмыльнулся и подмигнул.

За спиной ахнули, выругались. Весь взвод дружно сорвался с места и отбежал на безопасное расстояние. Оттуда

глазели с открытыми ртами, тыкали пальцами. Еще бы — очень опасный боевой маг неведомо как затесался в ряды простых ополченцев.

— Эскер, ты же обещал! — раздался за спиной низкий рыкающий голос.

Я потушил огненный шар, обернулся и сделал невинное лицо. Брат стоял, скрестив толстые волосатые руки на груди, смотрел с прищуром.

— Извини, Тох, — пробормотал я. — Это в целях самозащиты.

— Знаю я твою самозащиту, — хмуро ответил брат. — Скоро за каждое неосторожное слово будешь бить молниями. А я еще решил посмотреть, как себя поведешь, специально не встретил. И ты сглушил. Магия — не игрушка и не способ показать, что ты круче.

— Капитан Альбен? — Сержант вопросительно посмотрел на оборотня, перевел взгляд на меня.

— Сонный, расслабься, — хмыкнул Тох. — Это дело семейное.

— Так бы и сказал, — скривился сержант. Во взгляде промелькнуло неудовольствие и уязвленное самолюбие. Воин развернулся и пошел давать нагоняй сбежавшему десятку.

Я подобрал сумку, перекинул через плечо. Вопросительно глянул на брата. Тох фыркнул, махнул рукой:

— Пошли, дело есть.

Я кивнул, поплелся за Тохом. Пристроился сбоку, скромненько молчал. Даже глазки потупил.

— Эскер, не корчи из себя оскорбленную невинность, — хмыкнул брат. — Знаешь же, что виноват. Ведешь себя словно подросток, которому дали в руки волшебный меч. Помнишь, как в старой сказке? Жаждешь покарать обидчиков. Разрубить от плеча до паха тех, кто сделал бяку или глянул не так. Глупо. Тебе досталось наследие тех, кто отстаивал свободу, честь и достоинство нашего края. Не думаю, что маги Серого Ордена одобрили бы такие глупости...

— Прости, Тох, — искренне сказал я, понутив голову. — Действительно, глупо. Меня захлестнула эйфория от свалившейся на голову Силы. Хоть и знал, что так будет, готовился бороться сам с собой. Знаешь, как бывает. Чувствуешь

себя властелином мира, вершителем судеб и прочее. К тому же мне просто не нравится затея. Хотя я и согласился, но это вроде как из-под палки. А из-под палки никто работать не любит.

— Да я сразу понял,— усмехнулся брат.— Ты слишком упрямый. В детстве корчил кислые мины, капризничал и злобно сопел, если что-то не нравилось. Сейчас то же самое, только чуть по-другому. Ты должен принять идею всей душой. А убедить тебя до конца мне не удалось.

— Ты очень хорошо меня знаешь,— признал я, удивленно вскинув брови.— Даже не догадывался.

— Ты мой брат, Эскер, — вновь хмыкнул оборотень.— И этим все сказано.

— Аш тоже брат,— заметил я.— Но, как оказалось, знает меня очень плохо.

— Он другой человек,— скривился Тох.— Эгоист и даже эгоцентрист. Весь мир вертится лишь вокруг него.

— И зачем нужны эти братья, когда я самый красивый, умный, замечательный, богатый... — подхватил я.

— Примерно так,— горько улыбнулся оборотень.— Но Мрон с ним, сейчас речь о тебе. Ратному делу учиться не хочется... Поэтому у меня есть другое задание.

— С этого места поподробней, пожалуйста,— попросил я и заинтересованно уставился на Тоха.

— Что глаза вылупил? — хохотнул брат.— Все просто. Проехать из пункта А в пункт Б, отвезти кое-какие бумаги, поговорить с важными лицами, сходить в разведку. Думаю, задание тебе по плечу.

— Как-то размыто,— скривился я.

— Не спеши, Эскер,— кивнул Тох.— Узнаешь.

Мы пересекли площадку, подошли к казармам. Тох направился к крайней. Помнится, именно в нее зашел полковник Эльд. Обитель командиров. Здание, если, конечно, можно назвать его столь гордо, больше походило на сарай. Строители ставили наспех, без фундамента, колонн и прочих изысков. На грубо ошкуренных бревнах виднелись следы от ударов топора. Еще довольно свежие, не успели потемнеть от непогоды. Окошки маленькие и узенькие, скорее даже

бойницы, закрыты тяжелыми ставнями, что при необходимости могут сдерживать стрелы и острые топоры.

Тох задержался на пороге, поправил ремни и подтянул доспехи. Я фыркнул — дурость эта армия. Все не как у людей. Но брат выглядел браво, да и командир, видимо, из него вышел неплохой. Мощный и широкий, заросший жесткой черной шерстью. На груди и плечах тяжелые, в палец толщиной, пластины доспеха. У пояса огромная секира, острая и смертоносная на вид. Взгляд у Тоха холодный, даже пронзительный. Голос зычный и низкий, какой и положен настоящему командиру, чтобы подчиненные слышали еще издали, боялись и прятались по щелям.

«Странно как-то, — подумал я. — Люди обычно всю жизнь носят маски. Кто-то играет роль умника, кто-то косит под дурачка или прикидывается смельчаком. Потому что так удобно. Никто не будет обращать внимания, тыкать пальцем. Но именно сейчас все выплывает на поверхность. Сразу видно, кто есть кто. Маски сползают, отваливаются по кусочкам. Обычный фермер, добродушный и веселый Тох, оказался яростным и злым бойцом, отцом-командиром. Ведь раньше интересовался исключительно своими свинушками, посевами, жил тихой семейной жизнью... Иные, а их большинство, оказались жадными и трусливыми, хотя всю жизнь слыли добропорядочными, совестливыми, даже патриотами. Я и сам так привык к своим личинам, что не могу вот так запросто от них избавиться. Одна исчезает, а под ней оказывается другая...»

Брат дернул дверь на себя, едва не вывернув из петель, шагнул внутрь. Меня окатило волной теплого воздуха, дохнуло свечной гарью, табачным дымом, вином и крепким мужским потом. От резкой смены освещения я на миг ослеп, заморгал, пытаюсь приспособиться к полутьме. Кожу рук и лица теперь покалывало, щеки сразу же запылали. Мы прошли по длинному коридору. Я щупал темноту руками, упасть и разбить нос не хотелось. Тох внезапно остановился. Я врезался в широкую спину, отшатнулся назад.

— Что тебе, Альен? — раздался резкий, лающий голос.

— Я по поводу вчерашнего вопроса, Эльд, — громыхнул Тох.

- Ну так проходи, присаживайся. Вина?
- Спасибо, но лучше кофе. На двоих.
- Прекрасно, Ирна только сварила. Ты не один?
- Со мной подходящий кандидат для нашей миссии.
- Хм... Даже так? — В голосе полковника послышался

интерес и удивление. — Разберемся.

Я привык к освещению и с интересом осмотрелся. Комната небольшая, но уютная. Стены голые, лишь на гвоздике у выхода висят ножны с мечом. В углу очаг, прогоревшие угли багрово тлеют. Иногда вспыхивают острыми язычками пламени, но тут же тухнут. Окон нет, густую тьму разгоняет пламя свечи, что стоит на грубом письменном столе.

За столом в большом кресле восседал полковник Эльд. Тени делали лицо воина немного страшноватым. В черных глазах плясал отраженный огонек свечи.

Тох плюхнулся на стул, блаженно потянулся. Зевнул во всю пасть, хрустнул суставами. Эльд достал из ящика стола две глиняные кружки, разлил кофе из фыркающего кофейника. Оборотень подхватил одну кружку, передал мне, вторую взял сам и залпом осушил. Крякнул, вытер губы тыльной стороной ладони.

— Каждый раз удивляюсь, — хмыкнул южанин, — как ты можешь хлестать кипяток?

— Легко, — хохотнул Тох. — Хочешь, научу?

— Пожалуй, не стоит, — улыбнулся полковник. — Я кофе люблю пить медленно, маленькими глоточками. От напитка нужно получать удовольствие.

Кружка была горячая, ноздри щекотал чудесный аромат. Я отхлебнул чуть-чуть, зажмурился, прислушиваясь к ощущениям. Такого кофе раньше не пил. Сорт хороший, да и сварен прекрасно. Горло обожгло, горячая волна пронеслась по пищеводу, согрела тело и очистила разум.

Я потоптался на месте, скромненько кашлянул. С сожалением посмотрел на кружку, но сделал усилие над собой, поставил на стол. Черные глаза полковника обратились на меня. Взгляд немигающий, острый и холодный. Эльд нахмурился, пожевал губами.

— Станный тип, — произнес тарк, ничуть не стесняясь. — Кого ты мне притащил?